

Т.И. Леонтьева

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Лингвопрагматический анализ инвективной коммуникации в русской и британской драматургии

Тема инвективной коммуникации рассматривается на материале драматургических произведений А. Чехова и Н. Кауарда. Цель исследования заключается в попытке найти общие, объединяющие черты в поведении русских и англичан в условиях агрессии, сопровождающейся инвективами, а также аналогичные для двух наций способы выхода из враждебной интеракции.

В драматических произведениях «Медведь» (Чехов) и «Частные жизни» (Кауард) в рамках конверсационного анализа исследуются вербальные и невербальные средства речевого воздействия действующих лиц друг на друга и психологические аспекты неадекватного поведения. Изучаются причины агрессии в двух культурах, выявляются конфликтогены, вызывающие особый гнев и бурную реакцию участников конфликта (мужчины и женщины) в неожиданных условиях противостояния. Лингвостилистический и прагматический анализ реплик героев, относящихся к разным культурам, показывает, что они проявляют схожие свойства во время ссор и находят, в конце концов, способы примирения. Алгоритм действий для всестороннего анализа текстов включает в себя литературный, лингво-прагматический и логико-лингвистический подходы. Кроме того, предпринят и психологический анализ поведения героев для демонстрации аффективного поведения языковой личности в условиях случайного конфликта, вызванного инцидентом.

В результате предпринятого анализа выявлено, что герои обеих пьес, пройдя различные стадии конфликта, агрессии и откровенной враждебности, находят в себе силы для благожелательных ответов на конфликтогены. Это признание в любви, объятия, улыбки, похвалы, комплименты и т.д. Результаты исследования приводят к выводу об эмоциональном сходстве характеров русских и британцев, попадающих в чрезвычайные обстоятельства, и к разрушению существующих стереотипов о холодности англичан и о жарком, неуправляемом характере русских.

Ключевые слова и словосочетания: конверсационный анализ, интеракция, речевое воздействие, конфликтоген, конфликт намерений, инвектива, агрессия, эмоциональный фон.

T.I. Leontieva

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok, Russia

Linguo-pragmatic analysis of invective communication in Russian and British dramaturgy

The theme of misunderstanding and aggression, of invective communication, is raised with the view to finding ways out of extraordinary situations. Since private lives are hidden from our eyes and ears, literature helps to study the national traits of Russians and the British. Two great playwrights A. Chekhov and N. Coward have been selected for analysis, the play "The Bear" by the Russian writer and "Private Lives" by the British one. The goal of the analysis is to find common traits in the behavior of the Russians and the British in aggressive acts accompanied with invectives as well as the ability of both nations to stop hostile interaction. Are the nations radically different or, on the contrary, is there anything in common between them under unforeseen circumstances? Verbal, non-verbal, and psychological analyses of the characters' speech are made within the frames of "conversation analysis" as well as psychological reasons of inadequate behavior are explained. Reasons of aggression in the two countries are examined, conflict causes between men and women are studied under the extraordinary circumstances of a conflict. Linguostylistic and pragmatic analysis of the heroes' utterances proves the point that there is a lot in common between us and that tolerance is the best policy. The algorithm of the study also includes psychological analysis of the characters' behavior in a sudden conflict caused by an incident. As a result of the undertaken analysis it has been pointed out that the characters of the Russian play as well as the British one after conflict, aggression and open hostility do find a positive solution of their problems and find a common language. Instead of conflict behavior they offer smiles, say pleasant words to each other, etc. The main conclusion from the study conducted in this article is the emotional commonness of the Russians and the British under unnatural circumstances and the break of possible stereotypes about the cold hearts of the British and the hot and wild character of Russians.

Keywords: conversation analysis, conflict behavior, conflict cause, invective, aggression, verbal and non-verbal markers, interaction, tolerance.

Введение

Область межкультурной прагматики в настоящее время расширяет свои границы. Если два-три десятилетия назад исследования лингвистов касались лишь изучения языковых явлений, то в последнее время их внимание сосредоточено на человеке (*homo sapiens*), на его психологии и, конечно, речи. Поведение человека в различных ситуациях общения, его установка на адекватное речевое реагирование, открытое или скрытое выражение эмоций становится ведущей темой прагмалингвистического и психологического изучения. Привлекаются данные таких областей знания, как культура, лингвокультурология, психология, психолингвистика и др. Цель данного исследования заключается в анализе речи «человека говорящего» [Телия, Шаховский, Ажеж], вербального и невербального поведения участников диалога в условиях речевой агрессии, вызванной деструктивным воздействием ситуации на участников коммуникации. Авторская гипотеза состоит в том, что представители разных культур прибегают к языковому насилию (в понимании

Ю.В. Щербининой) [16, с. 144–147] в неординарных условиях коммуникации. С целью её доказательства используются когнитивный и лингво-прагматический подходы к анализу речи персонажей двух пьес: русского писателя и драматурга А.П. Чехова «Медведь» [14] и английского драматурга, актёра, композитора и режиссёра Н. Кауарда «Частные жизни» [18].

Методика исследования и обоснование выбора темы

В работе предпринят конверсационный анализ, в пользу которого говорит тот факт, что он основывается не на «идеализированных и смоделированных высказываниях» [13, с. 223], а на реальных спонтанных репликах, часто служащих конфликтогенными для адресата. Человек говорящий оказывает давление на адресата с помощью взгляда, жеста, воинствующей интонации, инвективы, угрозы и т.д. Вслед за Н.Д. Арутюновой мы считаем, что в экстраординарных условиях общения раскрывается внутренний мир человека, именно он является важным для художественного творчества [2, с. 399]. Любой художественный текст, как отмечает И.А. Щирова, отражает чувства и мысли человека [17, с. 30]. А.А. Лепеньшева считает, что «в основе формирования эмоций лежит когнитивно-информационная деятельность человека» и что эмоции возникают благодаря когнитивной интерпретации действительности [9, с. 46].

Один из важных вопросов в лингвистике на сегодняшний день – изучение способов, которыми русский и английский языки описывают эмоциональное состояние людей, ведущих себя агрессивно. Это и чувство ненависти, и отвращения, и презрения. По мнению ряда авторов (Ларионова, Щербинина, Миронова), «агрессивность является неотъемлемой частью современной культуры», и это явление отражается в художественной литературе. На наш взгляд, агрессия как «враждебное действие и поведение» существовала всегда, и потому художественные произведения XIX–XXI вв. могут быть выбраны в качестве объектов исследования [5, с. 302]. Так, изученный нами психологический конфликт противоборствующих супругов в пьесе А. Чехова «Иванов» завершается трагедией, агрессия озлобленного мужа приводит его жену к гибели [7, с. 200]. Вспомним, как он использует высокоэмоциональные слова, превращая конфликт в скандал, для того чтобы оскорбить, унижить Анну Петровну: «Замолчи, жидовка!». И когда та отвечает с вызовом и ненавистью: «Не замолчу... Слишком долго ты обманывал меня», он решается на безумный, неконтролируемый им самим поступок: «Так знай же, что ты ... скоро умрешь. Мне доктор сказал, что ты скоро умрешь...». Никакие последующие угрызания совести не могут оправдать Иванова, глубоко страдающего от чувства вины за содеянное. Это и есть загадка русской души: с одной стороны, вербальная агрессия, словесный садизм, с другой – моментальное осознание непоправимости сделанного и, как результат, самоубийство.

Следует отметить, что большинство авторов, пишущих об агрессии и насилии, полагают, что эти качества в постиндустриальную эпоху только нарастают, и потому задаются вопросом о том, возможно ли «сдерживать словесную вражду и предупреждать агрессивные речевые проявления в реальных жизненных обстоятельствах» [16, с. 365]. Однако сегодня общество нуждается в исследованиях

и другого плана, идут поиски ответа на вопрос: какие психологические средства помогут людям преодолевать враждебность и какие вербальные и невербальные средства коммуникации характеризуют эти попытки?

Анализ разговорных дискурсов

Обратимся к тексту водевиля А.П. Чехова «Медведь» [14]. В этой незатейливой пьесе (сегодня бы ее назвали *sitcom* – комедией положений) участвуют всего три героя: нестарый помещик Смирнов, помещица Попова, вдовушка с ямочками на щеках, и ее слуга Лука. Эта «сценическая безделка», как называет ее сам Чехов, концентрирует наше внимание на эксцентрическом характере русского помещика, который требует вернуть ему долг, взятый покойным мужем помещицы. Вдова не может заплатить долг немедленно, надо ждать приказчика, отправить его в банк и т.д. Мы становимся свидетелями неуравновешенного нрава и скандального характера помещика Попова.

Попова: Послезавтра вы получите ваши деньги.

Смирнов: Мне нужны деньги не послезавтра, а сегодня.

Попова: Простите, сегодня я не могу заплатить вам.

Смирнов: А я не могу ждать до послезавтра.

Попова: Что же делать, если у меня сейчас нет!

Смирнов: Стало быть, не можете заплатить?

Попова: Не могу...

Смирнов: Это ваше последнее слово?

Попова: Да, последнее.

Смирнов: Последнее? Положительно?

Попова: Положительно. [14, с. 449]

В данном диалоге мы являемся свидетелями конфликта намерений, герои не приходят к согласию, и эта недоговоренность проявляется, прежде всего, в повторе отрицаний «не» и «нет». Синтаксис отрицательных предложений свидетельствует о невозможности согласия с обеих сторон. Что касается госпожи Поповой, то она, прибегая к частице «не», отгораживает себя от мира этого невежи, как она его сама называет. В его устах «не», усиленное противительным союзом «а» («А я не могу ждать до послезавтра»), звучит как угроза и, пожалуй, как отчаяние. Тем не менее, в данном эпизоде он еще не показывает своего воинствующего характера, эмоциональный фон этого разговора можно свести к простому любопытству со стороны помещика, об этом свидетельствует и синтаксис: несколько вопросительных предложений имплицитно выражают его легкое недовольство и удивление. Рассмотрим конец этого разговора:

Попова: Я, кажется, ясно сказала: приказчик вернется из города, тогда и получите.

Смирнов: Я приехал не к приказчику, а к вам! На кой леший, извините за выражение, сдался мне ваш приказчик!

Попова: Простите, милостивый государь, я не привыкла к этим странным выражениям, к такому тону. Я вас больше не слушаю. (*Быстро уходит.*) [14, с. 449]

Накал конфликта нарастает. Рассмотрим конситуацию, т.е. условия его протекания, и охарактеризуем языковые средства. Анализ конфликтного общения, по мысли О.Н. Гнезdechko, требует раскрытия всего разнообразия языковых форм, которые она сводит к трем основным типам стратегий: инвективной, куртуазной и рационально-эвристической. Согласно утверждению автора, «принципом этой типологии является особенность аффективного поведения языковой личности во время снятия фрустрации» [4, с. 41]. Так, в словах помещицы Поповой появляется ироничный тон, о нем свидетельствуют явления многословия: *простите, кажется, милостивый государь*. Читатель чувствует, как меняется эмоциональный тон героини, она не только выражает насмешку, но и решительно заканчивает разговор, уходя со сцены. Что касается Смирнова, то он позволяет себе приказной и оскорбительный тон по отношению к даме, речевое воздействие неформального языка: «*на кой леший*», «*сдался мне ваш приказчик*», без должного пиетета, а как издевательство произнесенное «*извините за выражение*» придают этому герою черты скандалиста, склонного к авантюрам. Гнев Поповой вполне оправдан: она имеет дело с чем-то отсутствующим в ее прежнем опыте и ей явно чуждым.

Обсудим конфликтное поведение представителей Британских островов. Герои пьесы Н. Кауарда «Частные жизни», бывшие супруги Аманда и Элиот, встретились через пять лет на пароходе, где оба проводили медовый месяц с новыми партнерами. Встреча была столь нежной и романтической, что они решили вновь начать семейную жизнь, считая, что по истечении времени они стали мудрее и смогли бы по-настоящему беречь друг друга, не повторяя ошибок молодости. Однако после нескольких дней идиллии герои вступают в такие же конфликтные отношения, которые когда-то разрушили их семью. Представим ситуацию, в которой Аманда желает слушать музыку на полную громкость, в то время как Элиот предпочитает тихий уютный вечер. Он нервничает, она упрямится, их жизненные установки явно не совпадают.

Elyot: It's very late and it will annoy the people upstairs.

Amanda: There aren't any people upstairs. It's a photographer's studio.

Elyot: There are people downstairs, I suppose?

Amanda: They are away in Tunis.

Elyot: This is no time of the year for Tunis. (*He turns the gramophone off.*)

Amanda (icily): Turn it on again, please.

Elyot: I'll do no such thing. [18, с. 62]

Вызывает интерес тот факт, что герои не лгут, не прибегают к физическому насилию, конфликт носит латентный характер. Налицо дисгармоничная коммуникация, маркерами которой являются элементы раздора, каждое высказывание Элиота опровергается Амандой с помощью отрицательных конструкций, этот же настрой характеризует и Элиота: он выражает несогласие с репликами Аманды. Герои нарушают этические нормы взаимодействия, их цели в данном квазиобщении кардинально расходятся. Происходит «негативизирующее воздействие» (коллокация Воронцовой 2006, с. 4) коммуникантов друг на друга, которое поддерживается невербальными действиями, введенными в авторских ремарках

(*He turns the gramophone off* – Он выключает граммофон, провоцируя героиню, а она говорит ледяным тоном – *icily*). Кульминацией этого конфликта становится реплика Элиота “*I’ll do no such thing*” в ответ на просьбу Аманды включить громкий звук. Этот ответный акт грубости, упрямства и неповиновения выражен на трех уровнях: фонетическом (резкий тон), лексическом (издевка в словосочетании (*such thing*) и синтаксическом (диктат с помощью отрицательного предложения) уровнях.

Известно, что ссору предваряет состояние фрустрации, и герои обеих пьес с целью доказательства ненависти друг к другу в процессе интерактивного взаимодействия аффективно «выпускают пар» [11, с. 259]. В чеховской пьесе помещица наносит словесные уколы господину Смирнову, конфликт достигает максимального накала в тот момент, когда героиня, не совладав с эмоциями из-за его упрямства и твердолобости, восклицает:

Попова: Извольте убираться вон!

Смирнов: Не угодно ли вам быть повежливее?

Попова (*сжимая кулаки и топая ногами*): Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр!

Смирнов: Как? Что вы сказали?

Попова: Я сказала, что вы медведь, монстр!

Смирнов (*наступая*): Позвольте, какое же вы имеете право оскорблять меня?

Попова: Да, оскорбляю... ну, так что же? Вы думаете, я вас боюсь?

Смирнов: А вы думаете, что если вы поэтическое создание, то имеете право оскорблять безнаказанно? Да? К барьеру! ...

Попова: Стреляться хотите? Извольте! [14, с. 455]

В приведенном фрагменте разговора имеет место «дисбаланс между действующими лицами», т.е. разговор-во-взаимодействии, что и составляет суть конверсационного анализа диалогического дискурса [13, с. 222]. Смирнов оказывает давление на хозяйку дома, требуя от нее выполнения действия, которое невозможно, на этом фоне вовлечение ее в дуэль и та смелость, с которой она готова в ней участвовать, являются неожиданной импровизацией и вызывают восхищение героя. Если в начале этого фрагмента он требовал вежливого к себе отношения и не мог терпеть оскорблений, то возглас героини «Извольте!» в корне меняет его отношение не только к этой даме, но и ко всем женщинам, о коих раньше он был невысокого мнения. Теперь его жизненный опыт обогащен новым знанием и новыми чувствами.

Обратим внимание на лингвостилистические средства, использованные автором в этом поворотном эпизоде водевиля. На лексическом уровне это оскорбительные слова: *мужик, грубый медведь, монстр*, их использование накаляет напряженность между героями, которая поддерживается синтаксическими конструкциями: восклицательными и вопросительными предложениями, создающими атмосферу мнимой ненависти, поскольку мы уже знаем об измененном сознании помещика Смирнова. Интересна и стилистика приведенного разговора, это повтор оскорбительных прозвищ, носящих метафорический характер, противопоставление: «поэтическое создание» vs «право оскорблять безнаказанно». Легко представить фонологию разговора, благодаря обильному использованию экспрессивной пункту-

ации. Такая интеракция захватывает, она полна жизни и ожидания приключений персонажей пьесы, любившейся зрителю когда-то давно, еще при жизни Чехова, к его огромному удивлению.

А теперь обратимся к героям пьесы Н. Кауарда.

Переживая состояние фрустрации, герой, возмущаясь и раздражаясь, выкрикивает в адрес Аманды непристойные слова и выражения:

Elyot (*shouting her down*): You're a vile-tempered loose-living wicked little beast, and I never want to see you again so long as I live.

He flings her away from him, she staggers and falls against a chair. They stand gasping at one another in silence for a moment. [18, с. 63]

Из авторских ремарок: *shouting her down* (громким криком заглушая героиню) и *He flings...* (Он швыряет Аманду, она пошатывается и падает на стул. Оба стоят некоторое время, задыхаясь от злобы друг на друга) становится очевидным тот факт, что от угроз герой переходит к физическим действиям, об этом свидетельствуют глаголы *fling* (бросать, швырять), *fall* (падать). Характерен для героев и глагол *gasp* (тяжело дышать), отражающий последствия насильственных действий со стороны Элиота и готовность героев драться снова.

Обратим внимание на обценную лексику в устах Элиота, выражающую крайнее чувство ненависти, герой злонамеренно оскорбляет свою возлюбленную, он в данный момент верит в то, что говорит. Называя ее «злой, неуправляемой, преступающей все моральные законы маленькой сучкой» (*a vile-tempered loose-living, wicked little beast*), т.е. пользуясь нецензурной бранью, он на какое-то время уничтожает речевое пространство героини. Однако его речевая и физическая агрессия вызывает у героини ответный выпад:

Amanda (*breathlessly as they fight*): You're a cruel fiend, and I hate and loathe you; thank God I've realised in time what you're really like; marry you again, never, never, never... I'd rather die in torment... [18, с. 64]

Остроту конфликта подчеркивает грубое оценочное обращение Аманды: *cruel fiend* (страшный изверг), а также фонетические маркеры ненависти: повторяющиеся фрикативные звуки [t] и [th], их использование напоминает шипение змеи. Очень важен и выбор слов, передающих ее эмоциональное состояние отвращения, это слово *never* (никогда), произнесенное трижды, а также *again* (еще раз), с их помощью героиня пытается поставить точку в их отношениях. Выразителен и синтаксис ее высказывания: это традиционные для бытовых скандалов, отточенные веками семейных ссор фразы типа “*thank God I've realised in time what you're really like*” (слава Богу, я вовремя поняла, что ты за человек); “*marry you again, never, never, never...*” (чтобы еще раз выйти за тебя замуж, да никогда!); и характерное для таких ситуаций словесное манипулирование “*I'd rather die in torment –*” (Да лучше умереть в муках...).

В накале страстей она не скупится на инвективы в адрес своего бывшего мужа, которые по эмоциональному накалу превосходят не только оскорбления Элиота, направленные против нее, но и инвективы русской помещицы в пьесе А.П. Чехова. Речевая агрессия Аманды протекает в рамках прямой коммуникации, ее оскорб-

ления, угрозы, злопожелания (слово найдено у К.Ф. Седова) [11, с. 262] нарушают все нормативные правила общения: *Beast* (скотина); *brute* (тварь, отморозок); *swine* (свинья); *cad* (хам, скотина), снова *beast* и снова *brute*. Повторение выполняет стилистическую функцию усиления значения, психологически это реактивная агрессия.

В связи с тем, что драматургические произведения предназначены для сценического воплощения, немаловажную роль в них играют комментарии автора, хотя он и ограничен в средствах повествовательного изображения. Тем не менее, в анализируемой пьесе Н. Кауард сопровождает наиболее важные для сюжета диалоги довольно объемными комментариями, которые сами по себе представляют материал для семантического и лингвостилистического анализа. Приведенные в последнем отрывке авторские ремарки насыщены глаголами, выражающими быструю смену настроений героев и их физиологические реакции на агрессию друг друга: *trip over a piece of carpet* (спотыкаются о ковер); *fall on to the floor* (падают на пол); *rolling over and over* (катаясь и борясь в припадке гнева). Неудивительно, что автор вводит глагол, выражающий почти истеричный крик Аманды, – *screaming* (пронзительно кричит).

Оба героя представляют собой конфликтную языковую личность. Однако мы становимся свидетелями того, что несмотря на столь богатый инструментарий агрессии, они сумели преодолеть себя, и в разгар самой невыносимой ссоры выходят с честью из нее. Этому способствовало неожиданное появление незваных гостей, перед которыми Аманда и Элиот не посмели демонстрировать кипящие в них страсти. Авторская ремарка в конце пьесы дает нам возможность поверить в то, что инвективная коммуникация может привести к благополучному исходу:

Amanda and Elyot rise quietly, and go, hand in hand, towards the front door... Amanda and Elyot go smilingly out of the door, with their suitcases, and –

The curtain falls. (Аманда и Элиот спокойно встают и, держась за руки, идут по направлению к выходу... Они улыбаются, выходя со своими чемоданами, и – *Занавес.*) [18, с. 64]

В чеховской же пьесе переход главного героя от ненависти к любви (*quod erat demonstrandum*) очевиден в сцене с пистолетами, в которой эмоциональный накал пьесы достигает своего апогея. Помещик восхищается необыкновенной смелостью и мужеством госпожи Поповой, которой совсем недавно отказывал даже в сообразительности воробья: «...извините за откровенность, воробей любому философу в юбке может дать десять очков вперед!» и называл «обыкновеннейшим крокодилом» [14, с. 453]. А.П. Чехов продолжает метафору: «Но возмутительнее всего, что этот крокодил почему-то воображает, что его шедевр, его привилегия и монополия – нежное чувство!» [14, с. 453]. Согласимся с утверждением Е.М. Вольф, что эмоции человека и его отношения выражаются в его суждениях, эксплицитных и имплицитных [3, с. 40]. Эмотивность помещика Смирнова меняется в зависимости от изменения его взгляда на женщину, которая в начале разговора вызывала в нем только злость: «Стоит мне хотя бы издали увидеть поэтическое создание, как у меня от злости в икрах начинаются судороги» [14, с. 450]. Это – часть экспрессивного пассажа против всех женщин, вызванная спокойным уверением дамы вернуть

долг, как только приедет приказчик, но никак не ранее. Конфликтогеном в данной ситуации явилась просьба помещицы Поповой к распоясавшемуся Смирнову вести себя достойно в ее доме. Последним она фактически высказывает свое ценностное суждение по отношению к нему, которое глубоко нелестно. Противопоставление метафоры «поэтическое создание» (полагаем, что повтор этой коллокации вызван необычайной экзальтацией персонажа) физиологической реакции «в икрах начинаются судороги» глубоко иронично и в какой-то мере соответствует представлению о помещике как о медведе, человеку грубом и свирепом. Мы становимся свидетелями вербальной и невербальной манифестации эмоций. Они включены в структуру сознания и мышления и сопряжены, как пишет В.И. Шаховский, с ментальными процессами [15, с. 4].

Однако сам факт, что женщина, движимая возмущением, выносит пистолеты своего мужа и просит Смирнова научить ее стрелять («Я не успокоюсь, пока не пробью вашего лба... вот этого лба, который я так ненавижу!»), вызывает безграничное восхищение героя пьесы: «Глаза, глаза! Зажигательная женщина!» [14, с. 457]. Стилистическое значение оценочной семантики лексической единицы «глаза», за которым кроется растущее переосмысление отношения господина Смирнова к женщине, позволяет думать о том, что так называемый русский медведь совсем не невежа и не монстр. Об этом свидетельствует и сопровождающий актуализатор, указывающий на откровенно высокую положительную оценочную номинацию «зажигательная женщина». Ряд номинативных оценочных дескрипций его визави означает поворот во взаимоотношениях героев, хотя читатель ещё раздумывает над этим. Но герой уже влюблён:

Попова: Хорошо... В комнатах стреляться неудобно, пойдемте в сад.

Смирнов: Пойдемте. Только предупреждаю, что я выстрелю в воздух.

Попова: Этого еще недоставало! Почему?

Смирнов: Потому что... потому что... Это мое дело, почему!

Попова: Вы струсили? Да? А-а-а-а! Нет, сударь, вы не виляйте. Извольте идти за мною! ... Струсили?

Смирнов: Да, струсил.

Попова: Лжете! Почему вы не хотите драться?

Смирнов: Потому что... потому что вы ... мне нравиться.

Попова (злой смех): Я ему нравлюсь! Он смеет говорить, что я ему нравлюсь! (Указывает на дверь.) Можете! [14, с. 457]

Казалось бы, конфликтоген «Струсили?» должен вызвать свирепую реакцию «русского медведя», но нет! Герой становится самим собой и проявляет самые нормальные человеческие чувства, имея дело с русской же женщиной, смелой и отважной. Позволим себе напомнить читателю этой статьи, что в ее задачу входит развенчание стереотипа о «медвежьем» характере русских людей. Хочется призвать внимание западного читателя к поведению их собственных героев в неожиданных ситуациях общения, когда наиболее ярко проявляется их звериный характер.

Как было указано выше, пьеса английского писателя Н. Кауарда «Частные жизни», изобилует инвективами британского мужчины и британской женщины,

которыми они в ярости осыпают друг друга. В лингво-психологическом исследовании данной пьесы, проведенном нами, мы пришли к выводу о том, что исключительные обстоятельства точно так же действуют на англичан, как и на русских людей. И что еще парадоксально, так это то, что столь агрессивное, инвективное поведение может психологически помочь людям вновь «обрести» друг друга и привести к взаимопониманию и примирению [8, с. 238].

Но вернемся к пьесе А.П. Чехова. Интересно отметить, что некоторые фразы наших героев звучат вполне мирно: «В комнатах стреляться неудобно, пойдемте в сад» – «Пойдемте». Однако мы чувствуем накал страстей, особенно со стороны женщины, речь ее полна насмешки над героем, который вдруг почувствовал к ней симпатию, оценив ее пыл и отвагу. Выбор слов героини носит негативно оценочную семантику: «струсили», «не виляйте», «Он смеет говорить, что я ему нравлюсь!» Происходит своеобразное столкновение несовместимых миров, внутреннее напряжение диалога сохраняется, но в то же время намечается поворот к другим отношениям, о чем свидетельствует повтор глагола «нравиться». Мы становимся свидетелями растущей отваги помещицы Поповой, которая оказывается в противоестественной ситуации, но из которой оба героя выходят победителями.

Попова (*кричит*): К барьеру!

Смирнов: Сошел с ума, влюбился, как мальчишка, как дурак! (*Хватает ее за руку, она вскрикивает от боли.*) Я люблю вас! (*Становится на колени.*) Люблю, как никогда не любил! ... Руку предлагаю. Да или нет? Не хотите? Не нужно! (*Встает и быстро идет к двери.*)

Попова: Пойдите...

Смирнов (*останавливается*): Ну?

Попова: Ничего, уходите... Впрочем, пойдите... Нет, уходите, уходите!... Я вас... ненавижу! К ба-барьеру!

Продолжительный поцелуй. [14, с. 457–458]

Пьеса А.П. Чехова подошла к концу. Последняя сцена разрешает конфликт персонажей, конфликтная ситуация исчерпана. Тем не менее, еще звучит требование «К барьеру!», свидетельствующее о более упрямом характере героини, но она, выражая негативные эмоции, встречает со стороны партнера контрастную ее настроению речь, в которой превалируют слова любви, обожания и предложение жениться. Мятежное поведение госпожи Поповой вызвано желанием сохранить за собой преимущество перед партнером, подчеркнуть его. Но такой стилистический прием, как недосказ, который графически изображается в виде многоточия, выдает ее волнение и не вполне еще осознанное желание прекратить ссору. Автор с помощью ремарок передает сумасшествие влюбленного: «Хватает ее за руки», «Становится на колени», «Встает и быстро идет к двери», «Останавливается». А. Чехов использует глаголы быстрого развития действия, глаголы движения с целью передачи необыкновенно быстрой динамики события, которое положило конец всем распрям. Последний момент очень важен, так как он убеждает читателя

в том, что конфликт на русской почве может так же благополучно заканчиваться, как и на британской.

Выводы

Предпринятый в статье сопоставительный конверсационный анализ драматургических произведений А. Чехова и Н. Кауарда позволил выделить определенные закономерности конфликтного общения в двух разных культурах: русской и британской. Вербально-невербальное общение героев в период фрустрации, а также самой ссоры ведет к созданию отрицательной фатики, т.е. разрушает эмоционально-психологический климат разговорного дискурса.

В обеих культурах персонажи проявляют интенсивную речевую агрессию, выражающуюся в грубых замечаниях, требованиях друг к другу и унижительных инвективах. Однако повышенная эмоциональность героев, с одной стороны, и страх совершения непоправимого шага, с другой, привело противостоящие стороны к благополучной развязке. Как и в пьесе А. Чехова «Медведь», герои пьесы Н. Кауарда «Частные жизни», пройдя через различные стадии оскорблений и унижений друг друга, сумели подняться над конфликтом и прийти к межличностной гармонии.

Активизация инвективной лексики в русской и английской культурах свидетельствует о том, что речевая агрессия не может считаться культурно-специфическим фактом какой-то одной страны, допустим, России, а является коммуникативной универсалией. Что касается данного исследования, то нам удалось доказать, что существующие стереотипы о холодности, рассудительности и индифферентности англичан, живущих якобы размеренной, лишенной потрясений жизни, так же как и стереотипы об импульсивном, безумном, неуправляемом «русском медведе» лишены смысла и мешают нациям понимать друг друга.

-
1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2008. Изд. 2 стер. 301 с.
 2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
 3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, И.И. Чельшевой. Изд. стереотип. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2014. 284 с.
 4. Гніздечко О.Н. Міжособистісна комунікація в соціо- й психолінгвістичному аспектах // Вісник ЛНПУ. Філологічні науки. 2007. № 20. С. 39–47.
 5. Изард К.Э. Психология эмоций / пер. с англ.: В. Мисник, А. Татлыбаева. СПб.: Питер, 2009. 460 с.
 6. Ларионова А.С. Лексико-семантические и стилистические способы выражения агрессии в художественном тексте: на материале художественных произведений английских и русских писателей XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 25 с.
 7. Леонтьева Т.И. Ложь в семье как основа конфликта и провала коммуникации (вербальные и невербальные способы выражения конфликтных отношений) // Стереотипы

- типность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.П. Котюровой; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2012. Вып. 16. С. 191–203.
8. Леонтьева Т.И. Положительный исход инвективной коммуникации в любовном конфликте (комплексный анализ речевых актов агрессии на материале британской драматургии) // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Баженовой; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2014. Вып. 18. С. 230–239.
 9. Лепеньшева А.А. К вопросу о роли эмоции «удивление» в когнитивно-информационной деятельности человека (на примере художественных текстов) // Вестник Пермского университета, 2011. Вып. 1(13). С. 45–51.
 10. Миронова Н.И. Лингвистический анализ конфликта: реакция на различные конфликтогены // Вопросы психолингвистики. 2015. Вып. 4. С. 109–121.
 11. Седов К.Ф. Ссора // Психология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 259–268.
 12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
 13. Улановский А.М. Феноменология разговора: метод конверсационного анализа // Вопросы психолингвистики. 2016. Вып. 1. С. 218–237.
 14. Чехов А.П. Медведь. Шутка в одном действии // Избранные сочинения. В 2-х т. Т. 2 / сост. Г. Бердникова; примеч. В. Пересыпкиной. М.: Худож. лит., 1979. 701 с.
 15. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. 2007. № 5. С. 3–13.
 16. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия. Территория вражды. М.: Форум, 2012. 400 с.
 17. Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 116 с.
 18. Coward, Noël. *Private Lives*. London: Methuen Publishing Ltd, 2000. 90 p.

Транслитерация

1. Azhezh K. *Chelovek govoryashchii: Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki*, М.: *Editorial URSS*, 2008, Izd. 2 ster, 301 p.
2. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka*, М.: *Yazyki russkoi kul'tury*, 1999, 896 p.
3. Vol'f E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki, vstup. st.* N.D. Arutyunovoi, I.I. Chelyshevoi, *Izd. stereotip*. М.: *Knizhnyi dom LIBROKOM*, 2014, 284 p.
4. Gnizdechko O.N. *Mizhosobistisna komunikatsiya v sotsio- i psikholingvistichnomu aspektakh*, *Visnik LNP. Filologichni nauki*, 2007, No 20, pp. 39–47.
5. Izard K.E. *Psikhologiya emotsii / per. s angl.*: V. Misnik, A. Tatlybaeva, *SPb.: Piter*, 2009, 460 p.
6. Larionova A.S. *Leksiko-semanticheskie i stilisticheskie sposoby vyrazheniya agreszii v khudozhestvennom tekste: na materiale khudozhestvennykh proizvedenii angliiskikh i russkikh pisatelei XIX–XX vv.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*, М., 2008, 25 p.
7. Leont'eva T.I. *Lozh' v sem'e kak osnova konflikta i provala kommunikatsii (verbal'nye i neverbal'nye sposoby vyrazheniya konfliktnykh otnoshenii)*, *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr.* / pod red. M.P. Kotyurovoi; *Perm. gos. nats. issl. un-t. Perm'*, 2012, iss. 16, pp. 191–203.

8. Leont'eva T.I. Polozhitel'nyi iskhod invektivnoi kommunikatsii v lyubovnom konflikte (kompleksnyi analiz rechevykh aktov agressii na materiale britanskoi dramaturgii), *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. E.A. Bazhenovoi, Perm. gos. nats. issl. un-t. Perm'*, 2014, iss. 18, pp. 230–239.
9. Lepenyшева А.А. К вопросу о роли эмоции «удивление» в когнитивно-информационной деятельности человека (на примере художественных текстов), *Vestnik Permskogo universiteta*, 2011, iss. 1(13), pp. 45–51.
10. Mironova N.I. Lingvisticheskii analiz konflikta: reaktsiya na razlichnye konfliktogeny, *Voprosy psikholingvistiki*, 2015, iss. 4, pp. 109–121.
11. Sedov K.F. Ssora, *Psikhologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya*, M.: Labirint, 2007, pp. 259–268.
12. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty, M.: *Yazyki russkoi kul'tury*, 1996, 288 p.
13. Ulanovskii A.M. Fenomenologiya razgovora: metod konversatsionnogo analiza, *Voprosy psikholingvistiki*, 2016, iss. 1, pp. 218–237.
14. Chekhov A.P. Medved'. Shutka v odnom deistvii, *Izbrannye sochineniya*. V 2-kh t. vol. 2, sost. G. Berdnikova; primech. V. Peresypkinoi, M.: *Khudozh. lit.*, 1979, 701 p.
15. Shakhovskii V.I. Lingvistika emotsii, *Filologicheskie nauki*, 2007, No 5, pp. 3–13.
16. Shcherbinina Yu.V. Rechevaya agressiya. Territoriya vrazhdy, M.: *Forum*, 2012, 400 p.
17. Shchirova I.A. Psikhologicheskii tekst: detal' i obraz, *SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta*, 2003, 116 p.
18. Coward, Noël. *Private Lives*. London: Methuen Publishing Ltd, 2000. 90 p.

© Т.И. Леонтьева, 2017

Для цитирования: Леонтьева Т.И. Лингвопрагматический анализ инвективной коммуникации в русской и британской культурах // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9, № 2. С. 215–227.

For citation: Leontieva T.I. Linguo-pragmatic analysis of invective communication in Russian and British dramaturgy, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, Vol. 9, No 2, pp. 215–227.

Дата поступления: 02.03.2017.